

Послужный литературный список Василия Дворцова обширен. Да и как он может быть иным, если перу писателя подвластны буквально все литературные жанры: проза, поэзия, критика, публицистика и даже драматургия. Лауреатство в более двадцати литературных премиях (в том числе и недавней Патриаршей), несомненно, подкреплено качеством всего, за что берётся Дворцов как исследователь, как мастер слова. Не лишён он и внимания критиков: вездесущая Википедия зафиксировала более двух десятков отзывов на его творчество.

Всплыв Василий Дворцов на всероссийском литературном горизонте в самом начале XXI столетия в журнале «Москва», где главным реактором в то время был Леонид Бородин. Созвучие этих двух романтиков – в ранней их прозе – налицо. Невооружённым глазом видна почти прямая переключка романов Дворцова «Тетя Обдория» и «Аз буки ведал» с произительно ностальгирующей по свету детства повестью Леонида Бородина «Год чуда и печали».

Примерно в то же самое время Дворцов приступает и к глыбистому своему исследованию – роману «Каиново колено», драматургия которого достаточно резко отличается от вышеозначенных романов: в них главному действующему лицу всё же посчастливилось прорваться сквозь давление времени и избавиться от извечной, заразной литературной болезни одиночества, ненужности, ненадобности (кто только ни страдал в русской литературе от неё, начиная с Онегина, Печорина, перломтовско-блоковского Демона и заканчивая современными литературными персонажами, порождёнными «патоологиями» Захара Прилепина, Сергея Шаргунова, Дениса Гудко, Раяна Фарушина, Андрея Геласимова и других молодых – на начало «нулевых» – неореалистов); посчастливилось найти выход из закопленного круга «одиночества одного и одиночества всех». Увидеть свет в конце туннеля, изживая этим самым ложную ненужность и ненадобность свою.

«Каиново колено» Василия Дворцова – как роман литературного направления интеллектуальной прозы, к предвстателю которой мы уже ранее причисляли Юрия Козлова с романом «Новый вор», Александра Леонидова с «Аполитетом», а также Анатолия Салуцкого с его «Немым набатом», – есть острая психологическая драма, в которой традиционные для русской литературы пути поиска своей «дороги жизни» заканчиваются далеко не на оптимистической ноте. О чём открыто говорит уже само название романа. В чём истоки этого неоптимизма, где они берут своё начало? – Возможно они в том, что художником слова для исследования взят более ранний пласт русской жизни – конец XX века, эпоха ломки и крушения Великой Империи Советской.

Трудно было даже такому харизматическому герою, как дворцовский Сергей Розанов, в начинающихся сотрясениях земных недр под исполном Империи самим устоять на не успешных ещё по-настоящему окрепнуть – в силу юности своей – ногах. Впрочем, как раз к Сергею Розанову (кстати, прочитываете ассоциативно с Василием Васильевичем виртуальное «внучато-племянничье» родство?) это может относиться более, чем к кому-либо из его ровесников-современников. Отчего же так? – можете удивиться вы. Да оттого, что сам Сергей Розанов далеко не мёд с сахаром.

Детские комплексы, порождённые тем, что мать однажды, шутя, нечаянно отказалась от кровного родства с ним, взбудораженным странным и

страшным сном о своей внезапной космической одиночности мальчика-мудреца, вброшенного на межпланетном корабле зачем-то на Землю (удивительно реалистично описан этот чуждый вроде бы стилистике романа эпизод, которому, кажется, сам автор придаёт очень важное значение), довели изначальной одиночество и покинутостью природы, но – одновременно, как захват противоположности, – и её особостью, непохожестью на других.

«После дембеля родители попытались, было, исправить его судьбу, но было уже поздно. Что-то в нём там такое щёлкнуло, что-то замкнулось, и Сергей просто не мог

Валентина Ерофеева

Совместное мыслетворчество

О романе Василия Дворцова «Каиново колено» как явлении интеллектуальной прозы

быть теперь видимым. Теперь он сам мог водить кого угодно: два года – не чих в подушку, одна десятая жизни, а если сознательной, так и четвёртая. К тому же шесть месяцев в госпитале... Сергей теперь сам рёшал свои проблемы».

Да, герой «Каинова колена», которому в ранней юности совершенно не хотелось ничего воспринимать, знать и помнить, «кроме расширенных девичьих зрачков, аромата полуфранцузских-популярских духов и непредказуемых возможностей на ближайший вечер», не прижившись в медицинском институте, где «платишь не отмытаемо пахла формалином» и только «самые тупые по жизни и мотли всё усваивать вовремя и в полном объёме», провалив экзамены и проболтавшись до конца зимы по «медовским общагам», весной пошёл отдавать долг Советской Родине. В Сирию. И было ранение... «Ударная волна подкинула и смачно вбила его в кособархан. Шок от удара остановил сердце, и Сергей вдруг увидел оставляемое Землю, а на ней своё расгластанное, стремительно уменьшающееся тело. Закрутившийся вокруг воздух уплотнился в какую-то бледно-полосатую трубу, через которую его с нарастающим ускорением втягивало, всасывало, возносило в неизвестность. Куда это?.. Куда?! Зачем?.. Не надо...».

И осознание, что «там уже предстояло отвечать, отвечать за добро и зло, за веру и предательство, за содеянное и за отложенное, реально случившееся и только выдуманное – за все свои девятнадцать с половиной безотказных лет. И это было нелзя, это было неправильно и несправедливо. Он же не знал, даже не задумывался о том, что придётся вот так, совсем не готовым прийти к ответу. И Сергей беззвучно-отчаянно завопил: «Отче наш! Ихе еси на небесах!». Слова неведомо где и от кого слышанной молитвы рикошетом забилось внутри его сознания, задрезжалась в ушах, изнутри закололи глаза, губы, нивок не находя себе выхода: «Да святится имя Твое, да будет... воля Твоя!». Движение немого притормозилось, вращение замедлилось. «Хлеб наш насущный... хлеб... хлеб...» – а больше-то он не помнил. Но – да, да! – он уже остановился, перестал вращаться в этой прохлятой трубе! Как дальше? Что?..

И тут удалось выжать, выдавить, выбросить из себя настоящий звук: «Господи! Я же всё понял, всё понял, Господи! Нужно любить! Любить, Господи! Дай мне, дай время, и я буду жить так

как надо, как достойно. Буду любить всех и всё. Только дай мне, отпусти меня назад, Господи!». Звонкое, металлическое эхо загремело по трубе вверх и вниз. Немного повисев, Сергей начал тихо-тихо вращаться в обратную сторону. Это было возвращением!

«Господи! Я всё понял. Всё. И я буду, буду любить всех. Всех. Только дай время. Дай мне время пожить».

Да, Болконский, да, просматривается толстовское небо над Аустерлицем. И это прекрасная переключка... Обогащение.

«Но почему же он так скоро забыл, слишком скоро и начисто, о своей кляте? – вопрошает сам себя от имени героя автор. – Вот всё так и сложилось».

шко мальчишка-мудреца на высоте. Он видит, что жизнь человека в России «сейчас ничего не стоит. После Афгана, Карабаха, Абхазии, Белого дома и Чечни киллеры просто толпами бродили по улицам. В газетах в открытую печатались наглые объявления с предложениями специфических услуг. И цены на эти услуги умиляли до слёз: восемь старушек или два бизнесмена – и можно купить подержанный «жигуль»».

Но даст ли ему отдохновение от русских бед чужая Калифорния, где он, «неудержимо расплывшаяся блаженной улыбки, ...размерно вышагивал по самому краю сказочной земли» – по краем берега впервые увиденного моря? Вряд ли, даже если он был бы категорически несогласен с нелюбовью наблюдению за сопле-

ни близким своим, ни просто жизни, та самая любовь, пришедшая к нему через покающую молитву: «Господи! Я всё понял. Всё. И я буду, буду любить всех. Всех. Только дай время. Дай мне время пожить», обернулась для него обратной своей стороной – нелюбовь. Одну за другой он теряет по жизни свои потенциальные «половинки», доходя в кульминационном иступлении неприятия самого себя, в разочаровании в самом себе до заслуженной клички герой-любовник не только на сцене театра, в котором играет заглавные роли, но и в реальной жизни.

С горечью и болью за своего героя, но и с желчным сарказмом, даже где-то гипертрофированно нагнетая черноту сгущающуюся вокруг Сергея Розанова нелюбовь, пишет об этом Василий Дворцов. Нелюбовь к себе, порождённая тщательной скрываемой гордыней, лишает Сергея Розанова и друзей, мужского солидарного локтя, протянута в помощи крепкой руки.

Но самая болезненная и чреватая почти необратимыми последствиями нелюбовь – это нелюбовь к Тому, Кто он так умолял о жизни там, в сирских песках. Пожалуй что, не только нелюбовь, но и отторжение, неприятие – неверие в Него. Полное забвение до финального: «Скрутившийся ледяной воздух уплотнился в бледно-полосатую трубу, и Сергея с нарастающим ускорением потянуло в возносящуюся неизвестность. Где-то там, уже совсем близко, нужно было отвечать, отвечать за добро и зло, за содеянное и за отложенное, за веру и предательство, реально случившееся и только выдуманное, – за все его бестолковые сорок четыре года».

И всё же милосердно-смирено автор вкладывает в его уста последний шёпот: «Да святится имя Твое... да будет воля Твоя...».

Отчего нужно и можно обозначить роман Василия Дворцова «Каиново колено» как интеллектуальную русскую прозу? – А вы окупитесь в этот поток мысли, поплавайте в нём не только по сюжету, который держит в напряжении всё романное пространство, но и вычитаетесь в диалоги и монологи – широкие, всеохватные, ненавязчиво энциклопедические. Воспримите в пейзажи – их немного у автора, но именно в них находит редкое отдохновение напряжённая душа главного героя. И блистательные вкрапления – вроде бы чуждые, но ультразначимые для понимания глубинного смысла романа, не напрямую, непосредственно, а опосредованно, ненавязчиво обрисовывающиеся в романе главные его контуры. Недаром Дворцов выделяет их особо – кувалином.

Эти фрагменты – фрагменты статей из журнала «Театр», рассыпанные по всему роману; самозадательские листочки машинописи («Священник Павел Флоренский о демоновидении Блока»; дивная философская сказка о неодолимом призрачении – вольном или невольном – к двери в комнату с горем, когда рядом две другие двери – в комнату счастья и в обитель такого же счастья, но безвешия. Вычитайтесь. Вдумайтесь в их смысл, разберитесь, зачем и почему они здесь так срочно и вроде бы чужеродно пондобились вдруг автору. Разадуйте и эту загадку романа. И вас не потянет к телевизору просматривать очередную мыльную, либо ложно-значительную бесконечную кинематографическую стрлянку.

Русская литература протягивает нам руку совместного мыслетворчества на основе материала нашей же русской жизни, так мучительно и радостно знакомой нам всем.

Как «так и сложилось»?

Исследованию причин случившихся с Сергеем Розановым жизненных перипетий и посвящено «Каиново колено» – роман с говорящим библейским названием, выводящим нас от мальчика-мудреца, «вброшенного» на Землю космосом, к библейским первопричинам самоуничтожения человека и человечества – через луть; но вот куда и кем для него выбранный – вопрос.

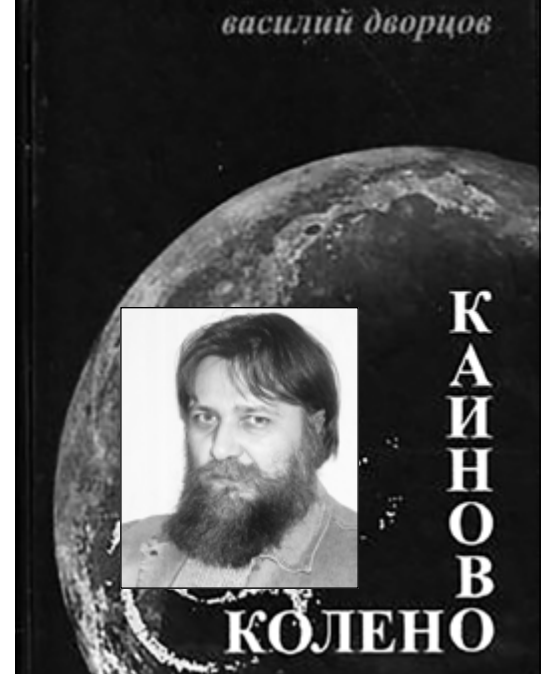
Да жизнь пошла странная у нашего спасённого молитвой и советским госпиталем Сергея Розанова...

Ещё раз, повторно, опять же в глубоком несчастье, в больнице, куда он попадёт после страшной аварии, унёсшей дорожного друга-попутчика и искаличавшей его самого, судьба преподнесёт ему подарок встречи с человеком, услышь которого по-настоящему, Розанов мог бы выправить путь своей искорёженный, катящийся глубоко вниз. Но не дано было услышать ему откровения дьякона отца Вадима. «Имеющий уши да слышит» – это уже к нему не относилось.

Мятарства скитаний по жизни, скачки по ней в погоне за ускользающей славой, за выплывающим в никуда «успехом», подстёгнутые временем горбачёвского крушения устоев безумной «перестройкой», которая со временем всё больше и больше походила на всеобщую наркотическую ломку, сброс бывших иллюзий и перезагрузку их новыми, уже по-настоящему чудовищными, которые унесут в никуда и развеют почти половину населения Союза, а саму Империю раздерут в клочья, собирать в целое которые даже внутри её самого будет бесконечно трудной, чуть ли не сизифовой работой. Но в этой работе главному персонажу «Каинова колена» уже не будет места.

Географические размены один за другим несколько городов, начиная с Новосибирска, далее через Москву в Минск, Улан-Удэ – с резким скачком в калифорнийский Сан-Диего, который прикрывает и его есенинским откровением:

Мне осталась одна забава: Пальцы в рот – и весёлый свист. Прокатилась дурная слава, Что похабник я и скандалист, – наш герой тем не менее зорко видит всё окружающее и оценивает его с позиции, пожалуй что, того самого, другого Розанова – Василия Васильевича. Склонность к аналитико-философскому восприятию у подро-

менниками, третья волна которых уже вала в американскую луку-океан: ««Вы знаете, как тут, в Америке, разделяются три эмиграционные волны из России? «Недорезанная» – это белые после Гражданской, «перезезанная» – это те, кто здесь от Великой Отечественной и «обрезанная» – сами понимаете...». Сергей кивал, смеялся, подкаивал, отшучивался...». ведь он и сам сюда «не за идеал личной свободы и в поисках истинной демократии, а за их поганой американской «зеленой» приехал». И не понаслышке, а вывезе столкнулся с мафией «бывших наших», сумевших за десять лет скоррмпировать по полной программе и «местных».

Тут влору задуматься: не на пустом же месте родилось то животное неприятие России последних пары-тройки десятилетий «загнивающим» Западом. Ни его ли плоды, в том числе, мы расхлебываем сейчас, вот в эти напряжённые февральские дни уже 2022 года... И даже та святая любовь, которую он так горячо обещал, но так и не смог дать ни самому себе,

Сакральное пространство Донбасса

О поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз»

Человек существует в культуре, формируя сакральное пространство на основе культурной памяти и экзистенциального опыта. В военное время человек оказывается в ситуации предельного выбора, когда его личный опыт опирается на культурную память народа и земли, сохранённую в виде архивных культурных архетипов. Одним из древнейших архетипов русской культурной памяти является образ России как пространства реализации христианской святости, которая проявляется в подвиге самопожертвования. В современном Донбассе в период войны с Украиной, идущей с 2014 года, ситуация предельного выбора приводит к воссозданию хранищегося в культурной памяти образа России как христианского пространства. Литература Донбасса получила мощный жизненный импульс, прискокнувшийся к этим первичным структурам человекотворческой реальности в их действенности. Одно из бесспорных имен этой новой литературы – Елена Заславская, создающая в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020) сакральное пространство русского военного Донбасса.

Война – это время обращения к глубинным пластам культурной памяти. Структуры коллективной психологии, латентно хранившиеся во времени рутины, разворачиваются в период предельного выбора, когда каждый человек и социум в целом должны ответить на вопрос о смысле существования и борьбы за свою идентичность. Война в Донбассе поставила эти вопросы не только перед теми, кто находится в окопах на передовой, но и перед всеми людьми Русского мира. Живущие в Донбассе люди мирных профессий также оказались в ситуации экзистенциального выбора, когда каждый должен своей решимостью и своим действием утверждать свое собственное бытие и его сакральные основания, воплощая смыслы русской культуры, сохранённые в культурной памяти.

В русской культурной памяти хранится образ России как пространства, в котором сакральные христианские ценности в принципе могут быть реализованы. Одной из наивысших ценностей в христианской культуре является жертвенность – способность человека повторить путь Христа, пойти за Ним вслед, отдав свою жизнь за других. Места, где совершается христианский подвиг жертвенности, сакрализуют пространство, создают выделенные топоры реализации христианской святости.

Христианский подвиг жертвенности является принципом, формирующим сакральное пространство Донбасса в поэме «Новороссия гроз. Новороссия грёз», созданной на протяжении военных лет, начиная с 2014 года. В поэме показаны воюющие республики, Украина, Европа, настроения революционеров Майдана и ополченцев Новороссии. Поэма связывает настоящее и прошлое Украины и России, повседневный и сакральный планы бытия и показывает Донбасс как место жертвенного подвига.

Новороссия – исторически сложившееся название южнорусских территорий, значительная часть которых находится сейчас в границах Украины. Новороссия включает Северное Причерноморье, Донбасс, Крым, Кубань, область войска Донского. В 2014 году, после антирусского государственного переворота на Украине, Новороссия стала территорией сопротивления. Крым был присоединен к России в марте 2014 года, Северное Причерноморье осталось в составе Украины, а Донбасс начал войну за свою независимость от Украины. В первый год войны, описанный в поэме, Новороссия стала символом

Для жителей Донбасса и луганчан Луганск с первых же строк поэмы – «край света, край мира, фронтир, где дышит война». В то же время в Луганске находится дом героини, сохранивший довоенный уют: «Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самими первыми, сохранёнными мамой, с его очагом и памятью – всем тем, что зовем мы домом, всем тем, что навсегда остается с нами...».

Довоенный Луганск задает ориентиры, позволяя героине выстоять и выжить во время войны, в период масштабной трансформации и экзистенциального выбора: «И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, впускающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслю своим улыбаюсь. Я больше не буду пуленым мясом, а буду ядром, снарядам, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж».

Нина ИЩЕНКО

Сакральное пространство Донбасса

О поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз»

Решение защищать родной город и свою землю соединяет героиню с другими русскими людьми, вводит ее в пространство памяти, сохраняющей погибших и живых: «Однажды ты встаешь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сестры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце». Так земля Донбасса, Новороссия гроз, становится пространством реализации жертвенного подвига, местом оживания исторической памяти и формирования христианского пространства на западном рубеже Русского мира.

В сакральное пространство Донбасса включены и другие донбасские топоры, пропитанные сакральным пространством войны: «Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТокалписса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронесли по Донбассу, без жалости, оставляя кровавый след».

Городки Донбасса конкретизируются в человеческих судьбах, в реакции людей, там проживающих, на идущую войну, воспринимаемую ими как вызов, требующий ответа в христианском пространстве самопожертвования. Таким образом автор выстраивает все составляющие донбасской земли: деревню, пострадавшую от артобстрела, разрушенный завод, затопленную шахту. «Хаты, побитые градами. Хаты, побитые гадами. Помню, дом с перекошенным ртом дверного проема застыл в волпе немом после арналета. Бабулька собира-

ет пожитки: «Жили мы, жили, да ничего не нажили. Только привычку к простору, чтобы выйти в поле и сколько хватает взора – степь: ковыли да маки, и сокол летает, как ангел»».

Аналогично строится образ завода в одном из городов Донбасса – локализация места действия дается вместе с комментарием пережившего событие человека: «На заводе прокатных валков – Сталинград. Три дня подряд горел цех разливки стали, когда его обстреляли. «Была бы станина, – мечтает начальник цеха. И руки его от работы черны и огромны. – Станки отстроим. Отремонтировали же домну!»».

Одна из многочисленных шахт Донбасса, пострадавших во время войны, также показана в двух аспектах: как символ войны и разрухи, но одновременно как воплощение веры и надежды людей, для которых подвиг самопожертвования стал принципом существования: «Ствол шахты «Знамя коммунизма» затоплен. Грунтовые воды. Старейшая шахта 4-бис. И люди сидят без работы. «Разве это жизнь? Доедаем свои горбовые. Горе, мне горе, – вздыхает бабуля, – а впрочем, и это неплохо. Еще немного, и придут гуманитарные конвои, весна, а там, глядишь, и Победа»».

Сакральное пространство Донбасса

О поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз»

Такое двуплановое построение образа позволяет поэту показать читателю весь Донбасс как землю Святограда, которая оживает и освещается страданием людей ее любящих, оставшихся на родине, защищающих ее и надеющихся на победу наперекор всему. Именно незаметный подвиг людей, их любовь к родной земле, стремление работать для ее восстановления, способность пожертвовать за нее жизнью вводят донбасскую географию в сакральное пространство.

Без сопереживания и осознания подвига жителей Донбасса его территория предстает десакрализованной землей ада: «Как-то в газетах писали укропы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...». Так, для одних героев поэмы Луганск – Святоград, потому что его жители жертвуют своей жизнью за родину, а для других Луганск – грешный город, который должен быть стерт с лица земли, потому что не хочет существовать в культурном пространстве постмайданной Украины.

Взгляд с другой стороны представлен в поэме в монологе украинского добровольца, карателя АТО: «Я отправился на восток. В регион тринадцать. В город, в котором детство мое живет, в город, в котором мой младший брат остался. Я вырос в сердце Донбасса, среди шпаны и уроч. В городе Перевальске, или в городе Парижской коммуны, как раньше он назывался. «О, эти маленькие донбасские городки! Как говорят креативные блогеры, депрессивные. Каждый такой, будто черная

дыра... достал сиги, затянулся, вспоминая пацанов из своего двора. Тоха сторчался, Вовчик спился, Сергею подрезали в торюме... И как эпиграф на лачке надпись "мучительная смерть"».

Неспособность противостоять смерти, распаду и аномии, которые герой видит вокруг себя в довоенных депрессивных городах Донбасса, вызвана недостатком душевной силы, веры и любви к людям. Такое мировидение приводит к тому, что человек не может участвовать в преображении мира и нацелен на разрушение, а не на созидание. Сначала он идет на Майдан, чтобы разрушить то, что в его представлении мешает создать новую Украину, потом идет на войну, чтобы стереть с карты Донбасс, который не вписывается в новые реалии. Неспособность увидеть за событиями людей, почувствовать их живые души на разрушенной и бедной земле приводит к тому, что украинский военный не видит сакрального плана событий: «И все-таки мне невдомек, на хрена вы воюете тут? На хрена умираете тут? На хрена вы схватились за земли эти корнями и жизнями, которые нигде не ведут?».

Противостояние двух взглядов на историю, двух способов осмысления происходящего проводится в поэме до самого финала: «Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним пронисается черная конница – чертовьи дети ада! Он падает замертво, упев понять, что позади пуста» – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. И поле возделывает простой ополченец, вернувшись с войны. И восходит солнце, дети собираются в школу, липы благоухают, и мне сдается: любовь не сдается и не умирает! Ведь так, пацаны?!».

Итак, в образе Луганска и городов Донбасса в поэме выражены две версии истории – сакральная и десакрализованная. В первой из них Луганск – это Святоград, попадавший в сакральное христианское пространство благодаря самопожертвованию своих жителей. Во второй, десакрализованной версии, которую высказывает украинский доброволец, Луганск и Донбасс – безжизненная территория, лишённая смысла, дикое поле истории, на котором ничего нет. Однако это поле засевают люди, превращают его в возделанную землю, создавая смысл своими действиями, чувствами, любовью.

В поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» Донбасс предстает как порубежье Русского мира, где в реальной жизни объединены темы памяти, защиты Родины, христианского самопожертвования ради других. Война Донбасса с Украиной в 2014 году показана в ее символическом значении, а художественные образы городов Донбасса в поэме позволяют сохранить военные события в культурной памяти русского народа.

